

С. М. УТЕВСКИЙ.

20-й ГОД.

(ИЗ СТУДЕНЧЕСКОГО БЫТА).

Пьеса в 5-ти действиях.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Владимир Сомов.	{	Студенты
Ларский		
Багрянский		
Рубакин.		
Кукулевич.	{	Студентки
Пфильцпфайер.		
Катя Ропина.		
Вера Щученко.		

Люба Таганаш.	{	Студентки
Роза Циперович.		
Клавдия Бегунова.		
Северская.		

Пелагея Анисимовна Шкандыбаева, хоз. квартиры.

Маша, дочь ее

Лука Семенович Лукин, жених Маши.

Неверов, профессор ботаники.

Хвостиков, курсовой староста.

Доктор.

Мальчик—нищий.

Нищий за окном.

Студенты и студентки.

Место действия—один из университетских городов
Юга России.

„НА ПЕРЕЛОМЕ“

Утевский.

20-Й ГОД.

Действие 1.

(Женское общежитие студенток. Кровати, возле кроватей столики. Железная печка. Пусто, холодно), Ропина и Щученко.

Ропина (*сидит на подоконн., читает*). Запоздала ты, Верка, запоздала, голубушка...

Щученко (*пишет за столом*). Да я же знаю. Еще вчера нужно было подать. Что-же мне делать?

Ропина. Валяй, пиши... возьмут и сегодня.

Щученко. Ну, я и пишу (*вздыхает*). Имя, отчество, фамилия... Вера Евгеньевна Щученко... Откуда родом... Из Полтавы.

Ропина (*читает*). Ишь ты, как хорошо знаешь... что к чему...

Щученко. Чем занимаются родители? Катя, а? Чем родители занимаются?

Ропина. Почем же я знаю, чем они у тебя там занимаются... спекуляцией, верно...

Щученко. Нет, видишь, тут заковыка какая... социальное положение. Я написала—рабочая. А чем родители занимаются? Вот вопрос...

Ропина. Да чем же они у тебя, грешная душа, занимаются?

Щученко. Ну... отец полковник был...

Ропина. Плохо твое дело...

Щученко. Как же это напишешь, а?

Ропина. Да, поддел тебя родитель... здорово...

Щученко. А я чем виновата? Добро бы я полком командовала... он там, скажем, разорялся, на солдат кричал, по зубам бил... так меня ж он тоже дома бил... злющий... чем я виновата?

Ропина. Терпи, такая уж доля...

Щученко *(плаксиво)*. Нет, что писать? Катька, что писать? Напишу, ей богу: полковник, но я не виновата...

Ропина. И выйдет тебе двойной конфуз: во-первых, из какой же ты рабочей семьи тогда? А во-вторых, т.-е. как это не виновата за такое классовое происхождение? И попрут из университета.

Щученко. На чьи средства училась? Совру: на свои *(вздыхает)*. Кабы были у меня средства... Что-ж про отца написать? Напишу: дрался,—пусть думают, что с белогвардейцами...

Ропина *(закрывая книгу)*. Напиши... знаешь что... напиши...

Щученко. Знаю, Катя. Он когда не сердился, так любил сам дрова пилить. Напишу, это правда будет: пильщик древесный.

Ропина. Дятел древесный... мысль хорошая... выразишь иначе...

Щученко. Дровяной! Деревянный! Прямо, пильщик дров... Написала... Дальше... Партия... беспартийная... какой партийной работой занималась? Черта... никакой... В подполье? Черта... Никакой... Просветительной? Черта... никакой.

Ропина. Отправят тебя, Верка, из университета к чертям за все твои черты...

Щученко. Черта—святое дело. К черте придраться нельзя...

Ропина. Ого! Еще как можно! Что тут, подумают, черт наставила?.. Или несознательная или больно сознательная.—Ну, и на допрос...

Щученко. *(испуганно)* На допрос?

Ропина. Вчера одну агрономичку вызвали в Комиссию. Спрашивают: что такое социализм, вы знаете? Хотели узнать, сознательная ли, потому что она, видишь

ли, еще умней тебя: вместо черточек—запятых на- ставила. Она и говорит: „Социализм, это...“ и раз- ревелась. Вот тебе и сознательность...

Щученко. Да... Как отношусь к Сов. власти? Сочувственно... К ком. партии? Сочувственно. Катя, как я отношусь к Красной армии?

Ропина. Багрянский, ведь, красноармеец?

Щученко (*покраснев*). Да... Ну?

Ропина. Ну, и пиши: более чем сочувственно...

Щученко. Ты, Катя, дура... извини...

Ропина. Неважно.. и хуже едали...

Щученко. В Красной армии служила? Нет. В белой армии служила? Нет.. В царской армии служила? Нет... Фу, конец. Слава-те, Господи! Как хорошо, Катька, быть женщиной... Мужчине-бы еще над всеми эти- ми армиями думать пришлось...

Ропина. Да...

Щученко. Вера Щученко... Кончила, промокнула. Катька, дай хлеба кусок...

Ропина. Это что за дикий финал!

Щученко. Дай, голубушка... маленький... от всех этих сочув- ствиев у меня в животе засвистало (*Входит Бегунова*).

Ропина. А... комсомол приплелся...

Щученко (*поет*). Чижик, чижик, где ты был?

Бегунова (*вздыхая*). С утра не ел, с утра не пил... (*садится*). Хлебца нет у вас, сестрицы? Катя...

Ропина (*идет к шкапу*). Скажите, родственные души... Так в унисон и поют...

Щученко (*вздыхая*). Родственные желудки...

Бегунова. Промокли ноги... вот беда... а итти надо опять...

Щученко. Куда?

Бегунова. Очередное заседание... в Комсомол...

- Щученко.** Эх, ты, несчастная... Всем нам скверно, а тебе еще Комсомол на шею...
- Бегунова** (*возится с ботинками, усмехаясь*). Погодите, всех вас... распропагандирую... в Комсомол затащу, беспартийная вы несознательность...
- Щученко.** За шиворот разве?
- Бегунова.** Зачем за шиворот? Сами пойдете...
- Щученко.** Не сердись, Клавдюша... Я знаю, что ты... идеальная и, вообще, сознательная... но меня никаким калачом не заманишь...
- Бегунова.** Да, брат, туда... калачем не манят... Вот видишь, я...
- Щученко.** Ты—идеальная. Катька, чего ты копаешься, мучительница, скареда?...
- Ропина.** Вот возьмите—и тебе, Клавдия...
- Щученко.** Спаси те Христос, Катавья, чтоб тебе на том свете пусто было... Разве мы с Клавдюшей бабочки, что этакий... рацион?
- Ропина** А разве я вам опродком? Скажите! Ей Богу, брошу я это хозяйничанье у вас... сама голодна, а вы ругаетесь...
- Щученко.** Дай еще кусочек.... спасибо скажу.
- Ропина.** Не дам... Люба с Розой придут, им есть нужно... и на ужин не хватит... скоро ужин, Вера?...
- Щученко.** Не скоро еще... где там скоро... Любочка с Розой в лавку зайдут на обратном пути из анатомки... получат хлеб... себе...
- Ропина** (*берет книгу*). То на ужин. Не кляньчи, Вера...
- Щученко.** Эх, проклятая жизнь... распроклятая... Клавдия, ты идешь? Постой, я пойду с тобой. Мне анкету занести в факультет нужно... сейчас оденусь...
- Бегунова.** Скорее...

Щученко. Сейчас... Возьму и карточку обеденную... хоть пшеницу похлебаю... хотя *(одевается)* на пустой желудок... пшеница очень неспособна.

Ропина. Что-то наш гость пропал... Владимир Родионыч...

Бегунова. Это тот, что живет у нас?

Ропина. Он самый... с утра нет—квартиру ищет...

Щученко. Пускай живет... Он славный малый... и Любашу нашу тешит^{ВД}.

Ропина. Не шпили, Верка.

Щученко. Если Давид придет... ты ему скажешь...

Ропина. Багрянский? *(поет)*. Ах, люблю я тебя...

Бегунова. Но о том... никому...у...

Щученко. Хорошее—никому... Ишь, как завыли обе! Скажешь, пусть достанет в театр билет... Идем, Клавдия, идем, комсомолик безответный, красная дева... Постой, я анкету забыла... До свиданья, Катюша, едем пшеницу хлебать...

Ропина. *(с подокон.)*. Нахлебайся уж так, чтоб за ужином не хныкать...

Щученко. Все равно... хныкать буду... потому пропадаю *(выходит с Клавдией)*. Катя, водица пришла... *(входит Водовоз)*.

Водовоз. Здравствуйте... воды привез...

Ропина. Ах, дядя, дядя... что так поздно? Мы сегодня и умываться не могли...

Водовоз. Потому... замерзла... холодно... *(вздыхает)*. Деньги платить будете?

Ропина. Будем... сейчас... *(соскакивает, идет к шкапу)*...

Водовоз. А что это у вас тут за кавалеры живут? Вчерась вижу—с утра дрова рубят. Ась?

Ропина. Прислал Господь Бог, дедушка... вот деньги... только завтра с утра привезите, а то мыться нечем...

Водовоз (*таинственно*). Ты мне, голубушка... того... хлеба бы кусочек... вон у вас.

Ропина (*смущаясь*). Хлеб... ах, хлеб... дедушка, я не могу... ведь это общий... нас так много... а хлеба совсем мало...

Водовоз. (*вздыхая*). Ну, не надо... эх, дети малые...

Ропина (*быстро режет*). На-те, возьмите. Заругают меня... Верка плакать будет... Беда!

Водовоз Спаси тебя Бог, милая... «А водицу я завтра раненько (*выходит*) Чуть свет...

Ропина (*вздыхает*). И на ужин не хватит (*берет книгу, читает*). Темно, не видно... (*встает, быстро входит Багрянский*).

Багрянский Здравствуйте, коллега... Верочка дома?

Ропина. Никак-с нет. Пшеницу хлебать отправилась...

Багрянский Пшеницу! (*догадывается*) А! До свиданья. Я после приду...

Ропина. Приходите (*Багрянский уходит*). Постойте, я вам забыла сказать... Верочка... Ушел. (*поет*) „Ехал на ярмарку ухарь купец“... (*входят Люба и Циперович*).

Циперович „Ухарь купец—удалой молодец“.

Ропина. „Вздумал в деревне коней напоить...“ Вот холодище нанесли...

Циперович „Вздумал деревню гульбой удивить...“ Холодно. Любочка, где череп?

Люба. Сейчас, дай разденусь... у тебя, Катя, тепло...

Ропина. Хлеб получили?

Люба. Получили... Вот тебе хлеб... а вот череп... Спрячь.

Ропина (*берет*). Хлеб и череп... поучительно.

Люба (*смеется*). Да... Пожалуй...

Циперович Катька, мы не весь хлеб принесли...

Ропина. С'ели? (*огорченно*). Эх, пороть вас мало...

„НА ПЕРЕЛОМЕ“

- Циперов.** И не с'ели. Мальчишка просил, плакал... Любашка половину своего отдала.
- Люба.** И язык у тебя, Роза... Ну, я свою половину с'ем. Меньше с'ем. Не твое-же.
- Ропина.** Люба, душенька, если ты будешь поступать против правил, я тебя вздую... все вместе вздуем... *(огорченно)*. У нас три фунта на пять человек, а вы раздаете. То водовоз... то мальчишка...
- Люба.** Какой водовоз?
- Ропина.** *(краснея)*. Не важно... В расходной книге записано.
- Люба.** Катя, а ты себя дула? А? Мне кажется, не мешало-бы...
- Циперов.** В чужом глазу сучок... в своем дубок...
- Люба.** *(смеется)*. Бревно, а не дубок... эх ты! *(Входят Владимир и Ларский, тащат дрова)*.
- Ропина.** Это умно. Сейчас печь топить будем. Катите сюда, земляк...
- Ларский.** Эх, и колет дрова ваш Владимир... любо смотреть.
- Влад.** Не льстите. Люба!
- Люба.** Что?
- Влад.** Затопим печку?
- Люба.** Затопим...
- Влад.** Вскипятим чай?
- Люба.** *(весело)*. Вскипятим...
- Влад.** *(строго)*. То-то! *(смех)*.
- Ропина.** Земляк, шевелитесь... *(открыв печку)* Не тонко вы порубили. Ну, ничего... Кладите. Роза, помогай... Фу, да ты вся, как Лорелея, растрепана... Любка, иди...
- Люба.** *(идет)*. Не Любка, а Любочка... что я за Любка!
- Влад.** Правильно. Ну, вы топите. Вот вам спички... Ларский, помогайте, коллега! фу... не зажжешь...

„НА ПЕРЕЛОМЕ“

А! Зажег... потухла... и вторая потухла... На-те, держите...

Ропина. Любка, держи в ладошке...

Влад. Не Любка, а Любочка... сказано вам...

Ропина. Э... скоро она и вам Любкой станет (*смех*).

Влад. Довольно... остроумно (*вспыхивает электричество*).
Вот-те на!

Циперов. Здравствуйте!

Ропина. Десять дней не было...

Люба. А выключатель был отомкнут...

Ларский. Это приятно... по сему случаю...

Циперович (*торжеств.*) Коллега Владимир должен поцеловать коллегу Любу...

Люба. Глупо, Розочка...

Все. Умно, умно... Целуйтесь...

Ропина. Ну, разгорелось... пойдем воду брать... Роза, идем, а вы... целуйтесь... (*уходят*).

Люба. Глупые...

Влад. Любочка, я нашел квартиру...

Люба. (*покраен.*) Да?

Влад. Как я извалялся с этим Жилотделом, еслиб ты знала. Где я только за эти три дня не был... в Чумной слободке... в Татарской слободке... Привел меня кварткомец окаянный в комнату (*садится*). Пустая, все стекла побиты, ни одного целого... И мебели ни крошки. Стал и говорит: „Вот хорошая комната“... подумал и прибавил грустно: „Только дует“. „Да,—говору я грустно,—дует“ и показываю ему на лоб...

Люба (*смеется*). Зачем ты?... А эта квартира хорошая?

Влад. Ничего, как будто... чистенькая... хозяйка—старушка, славная, как будто... и дочь... только вместо

„НА ПЕРЕЛОМЕ“

кровати диван... потрепанный... и комната проходная... Это ничего?

Люба. Ничего... если хозяйка хорошая...

Влад. Чистенькая квартира... вот и ордер (*вынимает*). Завтра возьмем мы свои пожитки... череп возьмем и ай-да! (*целует*). Любочка моя! Будем жить вдвоем, учиться...

Люба. Грустно уходить отсюда.

Влад. Да, правда... и мне... но нужно. Будем учиться, Любушка... Ты была в анатомке сегодня?

Люба. Да, конечно...

Влад. А я вот запутался... с квартирой этой. Ну, Люба, ничего, догоним, правда?..

Люба. (*весело*). Правда, Володимир мой...

Влад. И выйдем мы с тобой два доктора-медика... эскулапы...

Люба. „Владимир и Любовь“ (*смеется*). Это все равно как „Владей миром, Любовь“... Я завладела миром... с тобой.

Влад. Мы откроем большой сад... устроим для детей... гигиенический...

Люба. Это хорошо (*с увлечением*), это—да!

Влад. И будем воспитывать таких сильных, крепких и умных мальчуганов...

Люба. Как Володя. И глупых, тихих девочек...

Влад. Как Люба...

Люба. Ага! Поймала. Уходи-ж теперь.

Влад. Постой! Что поймала? Мы будем учиться вместе, все, все знать. Ах, какая мы будем, Любка, пара—архимедицинская...

Люба. Уже Любкой стал звать. Говорила Катя...

Влад. Я тебя скоро поколочу. И так на всю жизнь...

- Люба.** Колотить будешь?
- Влад.** *(целует)*. Глупая... Постой, я подброшу дров в печку... знаешь... идем в нашу камеру... ты мне почитаешь. Возьми Мценского. Я люблю, как ты читаешь.—У тебя такой тихий, тихий, милый голос...
- Люба.** А печка не потухнет? Ну, идем... Взяла книгу *(Уходят. Тишина. Через некоторое время с шумом входят Ропина, Ларский и Ципер. с водой, Щученко, Бегунова, Багрянский)*.
- Щученко** *(поет)*. Здравствуй, Веруся... милая Вера...
- Бегунова** *(садится на кровать)*. Ох, устала...
- Ларский.** Ну, землячка, ставьте котлик... чай варить будем...
- Бегунова** Ох, устала *(ложится на кровать)*.
- Щученко** *(раздев.)* Отвалятся у тебя ноги, комсомол, и язык... от агитации... Багрянский, вы достали билет?
- Багрянск.** Достал, Верочка...
- Циперов.** А что идет сегодня?
- Багрянск.** „Красный и черный“, советская драма.
- Щученко.** Трогательная история *(поет)*: „А в Иркутске Вечка расстреляла Колчака“ Эх, идем, Давидик...
- Ропина.** Постой... а чай пить?
- Щученко.** Что уж чай... А, впрочем... подождем, выпьем, Давидик, чаю... и закусим... ох, как есть хочца... а Комсомол заснул... набегался, нааседался, наагитировал... и заснул...
- Ропина.** Кипеть будет... *(дает Щученко кусок хлеба)*. Ешь, Вера, несчастная душа... разбуди Комсомола, пусть покушает—а впрочем, Бог с ней, пусть спит... хотите есть, Давид? Возьмите кусочек...
- Багрянск.** Нет, спасибо... а впрочем *(берет)*.
- Щученко.** То-то „впрочем“... Это ужин, Катя?

- Ропина.** Еще по куску будет на ночь с чаем... Возьмите, Ларский... Роза, возьми.
- Ларский.** Спасибо.
- Ропина.** Любушке бы отнести... и Владимиру...
- Щученко.** Дай отнесу... или нет, не нужно... я такая... с'ем еще по дороге... жадная (*плачет*).
- Циперов.** Ест и плачет... картина...
- Щученко.** Такая я стала... жадная... меня все любить перестанут... и Давид... вон он уже букой смотрит...
- Ропина.** Ну, успокойся, детка, успокойся, дура! Верочка... не жадная ты, бедная... голодная... Хочешь еще кусочек? От Любочкиного возьму...
- Щученко** (*глотая слезы*). Не хочу (*смеется*). Дура я...
- Багрянск.** (*укоризненно*). Вера...
- Циперов.** Что Вера? Вон на вас самих лица нет... А вам, Ларский, стыдно.
- Ларский.** Что стыдно? Чего вы привязались?
- Циперов.** Понятно, стыдно...прибыли вы вместе с Владимиром—бесквартирные... бесхлебные—бесприютные... Пустили мы вас, по доброте сердечной, в холодной камере ночевать... приняли в союз наш хлебный...
- Ропина.** Бесхлебный, ты хотела сказать?
- Циперов.** Да... а вы чем отплатили? Украли Любушку...
- Щученко.** Подружку умыкнули...
- Ларский.** Позвольте... не мы, а Владимир... это разница... я тут не причем... Владимир вам сам это подтвердит...
- Багрянск.** Правильно!
- Ропина.** Логично, земляк...
- Ларский.** А я у вас навсегда жить останусь... и квартиры искать не стану...

- Циперов.** А как выгоним?
- Ларский.** Назад приду... проситься буду... мне тут хорошо... оно хоть и холодно—ничего. Утром проснешься—вы щебечете тут за стеной... дров нарубишь.
- Щученко.** Идиллия. Семь дев и один молодец...
- Ларский.** В щелку к вам заглянешь...
- Ропина.** Э... вы не заглядывайте... пропадете неравно... (смеет).
- Багрянск.** (громко). Завтра лекция по химии...
- Циперов.** Пойду...
- Щученко.** А я не пойду... Спит Комсомол... Эх, глупый Владимир, не знал, кого взять... гол наш Любок как сокол... сиротиночка... Я-б на его месте Катю взяла, завхоза (неловкое молчание). Типун мне на язык, я вижу...
- Циперов.** (сурово). Да, глаза у тебя есть. Ума вот нету...
- Щученко.** (бросаясь к Ропиной). Ты плачешь, Катюша? Катя, милая Катя! Полно—полюбят и тебя... мою милую, славную, толстую... А Владимир—неблагодарный...
- Циперов.** (пожимает плечами). Умница...
- Ропина.** (тихо). Я не плачу, Верочка...
- Щученко.** А Давид надулся... Давидик... Давидик (поет): Видик... Видик... да... да... да...
- Багрянск.** Странное пение.
- Щученко.** Это такая уж песня... величание... поется с начала наперед, потом назад... (тухнет внезапно электричество).
- Все.** Тю!
- Циперов.** Так я и знал!
- Багрянск.** Вот история!
- Ропина.** Вера, зажги коптилку... на столе... не опрокинь...
- Щученко.** Темно... не найду.

„НА ПЕРЕЛОМЕ“

Ларсий. Луна светит...

(В дверях показываются фигуры Влазим. и Любы, освещенные луной).

Влад. и Люба. И у вас потухло!

Ропина (в темноте освещенн. горящей печкой, поет): Здравствуй... Володя...

Все. (подхватыв.). Красавец Володя...

(басом.) Здравствуй, Любуся, милая Люба... Люба, Люба, лю... лю... лю.. Люба, Люба, лю... лю... лю... (Смех).

(Занавес).

Действие 2.

(Аудитория университета. Прямо—наскоро выстроенная сцена. Дверь наружу. Дверь в кабинет профессора).

Хвостиков (выглядывает из двери кабинета). Коллега Пфилецпфайер... пожалуйста...

Пфилецпф. (покраснев). Иду (скрывается).

1. Студентка. Несчастный Пфилецпфайер. Коллега... коллега... коллега Хвостиков...

Хвостик. (выходит). Что?

1. Студ. (задыхаясь). Скажите... идите сюда...

2. Студ. Он трудное спрашивает? Что он спрашивает?

Хвостик. О центрозоме теперь.

1. Студ. Ай! Что такое?

Хвостик. Центрозома... возле ядра которая... (исчезает).

1. Студ. (со слезами). Таня, идем домой...

2. Студ. Постой (смотрит в щелку). Молодец Пфилецпфайер... говорит, говорит... Перестал говорить. Теперь профессор говорит. Опять Пфилецпфайер. Эге! Второй билет берет. Пропал Пфилецпфайер...

- 1. Студ.** Таня, идем домой... право... (*Выглядыв. Хвостиков*).
- 2. Студ.** Постой... Коллега Хвостиков, что он спрашивает?
- Хвостик.** (*свистит*). Пропал Пфильцпфайер... погиб... аминь. На второй билет околесную несет...
- 2. Студ.** Что он спрашивает, коллеги?
- Хвостик.** Крестоцветные спрашивает (*исчезает*).
- 2. Студ.** (*со вздохом*). Да, Ниночка, идем домой... в другой раз сдадим...
- 1. Студ.** (*радостно*). Я тебе говорила... Ну их! скоро концерт будет. Подождем... только не здесь (*Уходят. Вокруг сцены суета. Входят Рубакин, Северская, Бегунова*).
- Рубакин.** Ну, сцена готова... пусть не впускают еще сюда, тов. Северская. Там Неверов зачет принимает...
- Северская.** Прут они там... Эх, беда! А я еще и не думала о ботанике. Бегунова, вы сдавали?
- Бегунова** (*со вздохом*). Где мне! Я приготовила свое слово...
- Рубакин.** И прекрасно. Эй, коллеги, коллеги, вы там...
- Студент** (*со сцены*). Что?
- Рубакин.** Там криво слева... приподнять нужно...
- Студент.** Сойдет...
- Северская.** Мест, кажется, хватит. Хоть бы электричество не потухало... (*Входят Ропина, Щученко, Циперович*).
- Щученко.** Ага, вон Бегунова...
- Рубакин.** Рано вы, коллеги...
- Ципер.** Ничего... Нам с вами поговорить нужно, тов. Рубакин...
- Рубакин.** А! Я сейчас... к вашим услугам... минутку (*отходит*).
- Хвостик.** (*выглядывает*). Гм... странно... куда это они подевались? (*Выходят проф. Неверов и Пфильцпфайер*).
- Пр. Невер.** Что, никого больше?
- Хвостик.** (*в недоумен.*). Они только-что были здесь... обе... Куда они делись?

Пр. Невер. *(усмехаясь)*. Ну, Бог с ними. Да, господин Пфильцпфайер... в другой раз... уже... *(проходит. Студенты входят группой, раскланиваются)*.

Щученко. Пфильцпфайер... идите сюда... Пфильцпфайер...

Пфильцпф. *(подходит смущенно)*. Здравствуйте...

Щученко. Ну что, сдали, коллега Пфильцпфайер...

Пфильцпф. *(машет рукой)*. В другой раз...

Ропина. Вернул матрикул? А что он спрашивал?

Пфильцпф. Ерунду и спрашивал... сбился я... не сообразил... понимаете... не сообразил...

Рубанин. *(возвращаясь)*. Вы хотели со мной поговорить, коллега Циперович? Я к вашим услугам... пожалуйста...

Ципер. Коллега Рубанин, это большое свинство... знаете...

Рубанин. Хорошее начало... Что?

Щученко. Свинство, тов. Рубанин! Какая я генеральская дочь? Какая я белогвардейка? Свинство...

Рубанин. Позвольте... я не понимаю...

Щученко *(со слезами)*. Это свинство... так доносить... какая я белогвардейка? *(плачет)*.

Рубанин *(разводит руками)*. В чем дело?

Ропина. Ну, коротко говоря... приходит сегодня военный... в красной шапке... к нам в общежитие... спрашивает Веру... ее дома не было... „Зачем?“ мы спрашиваем. „Пусть,—говорит,—когда вернется, лучше уходит. Это я как друг говорю. Ночью ее арестуют. На нее донос поступил. Будто она дочь белогвардейца и большевиков при Врангеле выдавала“.

Щученко. Кого я выдавала? *(плачет)*.

Рубанин. Позвольте... это какая-нибудь мистификация...

Ципер. Хорошая мистификация... Вера сегодня весь день плачет... и ночевать боится остаться... *(Входят студенты и студентки)*.

- Рубакин.** Но... повторяю... это, вероятно, мистификация...
- Ципер.** Мистификация или не мистификация... тов. Рубакин, мы на вас надеемся.—Если что-нибудь с Верой, вы должны притти на помощь... Вы человек партийный. Ну, сказала Верка глупость... да разве она когда что умное говорит? А я знаю, кто донес... свинья такая... и если Верке что-нибудь будет, я ему публично дам пощечину...
- Рубакин** (смеется). Уж и вы... а глупостей говорить не надо...
- Щученко** (плачет). Не виновата я, что у меня отец полковник. Кабы у вас был такой отец, да так с вами обращался, да так вас за него потом мучили (плачет).
- Ципер.** Тов. Рубакин, помните, когда белые были... вы у нас в общежитии три дня просидели и на улицу нос показать боялись. А кто во дворе караулил, не идет ли кто?
- Рубакин.** Ну, помню... Вера Щученко...
- Щученко** (плачет). Генеральская дочка...
- Ципер.** Вот. Не забывайте. И Бегунова подтвердить может... как коммунистка Клавдюша!
- Бегунова** (подходит). Что?
- Щученко.** Скажи, Клавдюша, по совести... скажи, комсомолик... белогвардейка я?
- Бегунова.** Ты, Верка?
- Щученко.** Я...
- Бегунова.** Был папаша ваш полковник?
- Щученко.** Ну так что ж, что он был? Не понимаю...
- Бегунова.** Бил папаша вас, полковник?
- Щученко** (краснея). Довольно уж... бывало.
- Бегунова** (Рубакину). Так чего ж вам нужно, не понимаю... У меня самой тятка—кулак деревенский, пол-села ограбил...

- Щученко.** А ты, Клавдюша, самый стчаянный пролетариат, комсомол и рабочий класс... вот!
- Вл. и Люб.** (*подходят*). Здравствуйте, коллеги, как живете?
- Щученко.** Любуса... Любусь... (*целуются*). Как живешь, милая моя, тихая...
- Ропина.** Как живете, Володя?
- Люба.** Спасибо, Верушка (*сияет*). Хорошо живем, спасибо... Отчего ты не приходишь больше?
- Влад.** Спасибо, Катя, как вы?
- Щученко.** Приду как-нибудь... у вас хозяйка ведьма...
- Люба.** Что ты, Верочка? Она хорошая женщина... честная...
- Щученко.** Нет, ведьма. Володя, ведь ваша хозяйка поганая, правда?
- Влад.** Да, признаться, и мне она не нравится... Как будто и ничего... а доедает... Любушка с ней хорошо живет... терпеливая Люба...
- Щученко.** И кровать у вас драная... и умывальника нету... и хлеба нету... и хозяйка—ведьма... бедные вы мои, хорошие (*плачет*).
- Влад.** (*обиженно*). Странное... Сочувствие...
- Ропина.** Дура, Вера...
- Ципер.** Целый день глаза на мокром месте...
- Щученко.** (*целует Любу*). Такая уж я... а ты, Люба, ничего... а Володя похудел сильно...
- Люба.** (*с беспокойством*). Да?
- Ципер.** (*чтоб замять*). Учитесь, Люба? Сдавали что?
- Ларский.** (*подходит*). Они вместе ходили химию сдавать. Володя сбился в чем-то, а Любочка подсказывает.
- Люба.** (*краснея*). Перестаньте...
- Ципер.** Здравствуйте. Ларский, откуда вы взялись?
- Влад.** На мою голову...

Ларский. Прямо из общежития (*Влад. беседует тихо с Ропиной*). Подсказывает Любочка... а профессор: „Госпожа Таганачи, это у нас не полагается“. Люба смутилась, покраснела и говорит: „Так ведь я его жена“ (*смех*). Профессор глядит на них: „А, это другое,—говорит—дело“. Ассистент мне рассказывал, со смеху, говорит, чуть не помер. А Володя сидит и улыбается... смешно так...

Влад. Ну, идем, сядем... смотрите, сколько народу... Люба, идем... (*Говор. Звонок*).

* * * * * Товарищи! Коллеги! Тише (*Звонок, Тишина*).

Северская. Товарищи! Сегодняшний вечер устроен в пользу голодающих крестьян, рабочих и детей Поволжья... Перед концертом слово возьмут тов. Бегунова и тов. Рубакин (*Сходит с подмостков*).

Бас. Браво, Северская!

Все. Тсс... Тише... Тише!

Щученко. Клавдюша будет говорить... Клавдюша...

Бегунова (*на подмостках тихо и мягко*). Товарищи! Мне много говорить не придется... Я сама волжанка... из крестьян. Мы помним уже один страшный голод... когда нас спасали от голода бары... добрые барыни... когда Москва об'едалась... наряжался Петербург... а на Волге... Товарищи, на Волге люди пухли, умирали... ползали по земле, рвали траву и замешивали в кашу из земли и кореньев... приходили домой... ели и умирали... это было... Тогда был царь... (*тишина*). А теперь... благодаря тяжелой гражданской войне, благодаря доброй Антанте, которая, вместо хлеба, готова забросать нас пулями, шпионами и предателями, люди едят уже не траву, а глину... Газеты приносят весть о

бесконечных смертях, о бесконечных страданиях... Голод... тяжелый голод охватил и придавил всю страну (*тишина*). Но, товарищи... ведь мы не бары... коллеги, подруги, ведь мы не барыни... это наши братья там гибнут... умирают... ждут помощи... (*горячо*) Придем на помощь чем можем... отдадим лишний кусок хлеба, лишним удовольствием пожертвуем, соберем, отошлем... (*громко*) Там дети мрут... (*тихо*) Ведь мы, товарищи, все... все... (*сходит, тишина*).

Люба. Милая Клавдюша!

Щученно. Комсомолик дорогой!

Бас (*издали*). И нас вы уже травкой кормите... скоро глину есть станем... тоже...

Все (*встрепенулись*). Как грубо! Перестаньте! Как не стыдно!

Бегунова (*остановилась растерянно*). Товарищи...

Бас и др. И нам не сладко... Посмотрели бы, что здесь делается...

Все Перестаньте! Кто там? Какая грубость! Перестаньте!

Ропина. Всегда у нас, студентов, так...

Рубакин (*вскакивая на подмост., взволнов*). Но это—неправда. Товарищи... Кто довел страну до такого состояния? Разве мы хотели? Мы исполнили волю народа, а буржуазия... ей воспротивилась... Врангель, Колчак, Деникин, Юденич... без конца посылали на нас врагов, топтали трудовые поля... обагрjali их кровью, народной кровью... Мы защищались... мы невиновны (*горячо*). Стыдитесь, студенты! Стыдитесь! В тот миг, когда освободился рабочий и крестьянин... вы отвернулись от него... вы плачетесь... вы

смеетесь над нами... в душе... вы уже наши враги Недаром подозрительно глядит на вас рабочий народ... В один прекрасный день (*задыхаясь*) ему надоест... ваше позорное хныканье, и он расправится с вами (*кричит*) как с контр-революционерами... (*Сбегает. Крики, протест*).

Голоса. Это уж слишком!

* * * * * Мы не заслужили так... не заслужили...

..... Тов. Рубакин, слышите? Мы не заслужили.

Влад. (*встает, резко*). Товарищи, разрешите...

Все. Тише, тише!

Влад. (*громко*). Вы не правы, товарищ. Вы не имели права бросить нам такое обвинение... То, что сказал, не подумав, голодный человек, еще не доказательство нашей контр-революционности... Студенты—контр-революционеры? Неправда. Вспомните студентов, казненных, замученных, выгнанных из университетов за рабочее дело при царской власти... Не они ли нам проложили дорогу?

Все. Правильно. Тише! Тише! Тише!

Щученно. Любочка, Владимир... (*на сцене за ширмой играет музыка*).

Влад. Мы голодны, мы ворчим порой. Но мы—ваши друзья. Наступит тяжелое время... и студенчество, которое вы презираете, которому не верите,—оно бросится на помощь вам, в борьбу за красное знамя... как не раз уже делало. И разъяренный враг лучше поймет в нас врагов, чем вы поняли, какие мы вам друзья... Кто знает, что будет! Вот уже косит нас жестокий голод—злы и сильны наши враги—быть может, наши трупы лежать будут рядом. (*Тишина. Музыка*)

„НА ПЕРЕЛОМЕ“

(Спокойно) Мы соберем на голодающих, товарищи... завтра-же... устроим воскресник... устроим спектакли... Простите. Я сказал, кажется, слишком много... лишнего... (Садится. Гром рукоплесканий).

Все (ревут) Браво, Сомо... ов! Браво!

..... Коллега Сомов прав... прав...

Щученко (вскакивает). Коллеги... завтра-же... мы должны собраться и условиться... завтра-же... слышите!

..... (ревут) Браво, Верунчик!

Щученко (краснея). Дурни...

Кукулевич (вскакивает). Коллеги... товарищи... то, что предложил коллега... Сомов... безусловно хорошо... Мы устроим спектакли... воскресники... завтра-же... нужно собраться, коллеги... серьезно...

..... (ревут) Соберемся...

Кукулев. В пять часов... все... хорошо?

..... (ревут) В пять часов—химия...

Кукулев. Так в семь...

..... (ревут) В семь...хорошо...все, соберемся все... (Говор.)

Бегунова (подбегает). Владимир Родионович, вы должны вступить в партию. Слышите?

Влад. (смеется). Да? сию минуту...

Бегунова. Нет, вы такой оратор... я не ожидала (сияет)... проснулось студенчество...

Кукулевич (на подмост. поет) Gaudeamus igitur, juvenes dum sumus...

Голос. Это что такое?

Бас. Лучше Интернационал... Интернационал... (затягивает) дружное пение „Вставай, проклятьем заклейменный“...

Ципер. (душится от смеха). Ой, фальшиво...

Щученко. Зато от души... не важно. (Кончили. Шумно уселись. Несколько студентов подходят к Влад.)

„НА ПЕРЕЛОМЕ“

Ропина. Тише... Тише...

Голоса. Тсс... Тсс... *Подымается занавес. Выходит курсистка, садится за рояль. Выходит другая курсистка и Кукулев. Звуки аккомпанимента*
— Тише... тес...

Курсистка (*поет*). „При Суровом крещенском морозе
Под покровом холодных снегов,
Средь поникших и мертвых кустов
Расцвели две прекрасные розы“.

Ропина. Как хорошо!
„Целовала их с визгом метель,
Посыпала их снежным убором...
И баюкала их колыбель,
Окаймленную льдистым узором“...

Ларский. Она хорошо поет.

Ципер. Хорошо... Фальшиво немного... вы знаете, кто аккомпанирует. А чего Кукулевич стоит и глаза пялит?

Ларский. Он тоже петь будет...

Ципер. Воображаю...
„Улыбались алые розы,
Заалела от них пелена,
Ждут они, чтоб явилась весна.
И цветут... им не страшны морозы“.

Щученко. Любочка... Володя... Это она о вас поет... о вас... розочки мои милые...

Люба (*смеется*). Не шали, Вера, милая...

Щученко. Нет, право...

Ципер. Здравствуйте. Кукулевич разевает ротик, послушаем.

Кукулев. (*поет, резко, трескуче*)
„На морозе цветам не расти“...

Щученко. Боже мой! Типун тебе на язык, типун!

„НА ПЕРЕЛОМЕ“

Роп. и Цип. Дура!..

„На морозе цветы погибают“

Щученко. Боже мой! Чур! Чур! Любочка, Володя, дай же я вас перекрещу, поцелую...

„Он своею жестокой рукой“

Влад. (усмехается). Я не суеверен... полно...

„Их безжалостно мнет и... срывает!“

(Занавес).

Действие 3.

Квартира Любы и Владим.—проходная комната: одна дверь в комнату хозяйки, другая—в комнату Кукулевича. Вечер. На кровати больной Владимир. Люба сидит в задумчивости. Горит лампадка.

Кукул. (выглядывает из своей комнаты). Коллега Люба...

Люба (очнувшись). Да?

Кукул. Спит?

Люба. Только-что заснул (подходит к Влад.). Беспокойно спит...

Кукул. Можно к вам войти?

Люба. Только тихо... тихо... пожалуйста.

Кукул. (входит). Я—тихо... (садится). Коллега Люба, вам нужно поспать... вы с ног валитесь... подите в мою комнату... поспите... я посижу здесь...

Люба. Я? Нет. Я—ничего (перемогаясь). Слава Богу, хоть хозяева утомонились... а то бегают туда и назад...

Кукул. Плохая у вас квартира... вы-бы перебрались... правда, мне скучно будет...

Люба. Нет, куда уж... (Вздыхает). Раньше ничего было, а теперь, когда Володя болен... куда там?

Кукул. Сколько уж он это болен?

Люба. Одиннадцать дней... вот на другой день после концерта заболел... как-раз на другой день...

Кукул. Тринадцатый—пятнадцатый день перелом бывает...

Люба. Дай-то Бог... плохие мы еще медики... Вот доктор придет.

Кукул. *(свистит)*. Простите... я думаю... вот сидел человек, хороший, славный... после такой речи... окруженный друзьями, товарищами... любящими... как мы восхищались им тогда! и в этот миг к нему подкралась болезнь... схватила его за горло...

Люба. *(вздрагив)*. Кто?

Кукул. Голод... вон кто... Истощенный он был... вот и подцепил его... всех нас подцепит... все в расход пойдем...

Люба. Как в расход?

Кукул. *(запинается)*. Как? Просто... Разве вы не знаете, что в городе делается? *(горячо)* Что-то кошмарное... Хуже Поволжья... все магазины закрыты. На базаре не достанешь кусочка хлеба... нищих... больных сколько... Боже!

Люба. Да...

Кукул. Голод, форменный голод... Вы сегодня ничего не ели, Любовь Петровна?

Люба *(рассеянно)*. Нет... кажется.

Кукул. И я ничего не ел... *(молчание)* А хозяйка сегодня пироги пекла... у нее муки много... спрятано... дочь именинница... зять придет... с мясом пироги.

Люба. Да, я знаю.

Кукул. А вот мы с вами сидим голодные *(горячо)*. Ненавижу я хозяйку, Любовь Петровна...

Люба. Отчего же? Вот она нам одеяло дала... котелок одолжила... нам ведь укрыться было нечем... раз даже кусок хлеба дала... и воду у себя кипятить позволяет. Нет, что-же вы хотите?

- Кукул.** Раз даже кусок хлеба дала... Эх, Любовь Петровна... коллега Люба... а помните, что Владимир о ней говорил...
- Люба.** Володя не любит ее... сильно... не знаю за что...
- Кукул.** Да, знаете, она мне жаловалась... Любовь Петровна, говорит, очень милая дама (*смотрит на Любу, смеется*), дама... а мужа, говорит, нутро мое не переваривает... как скажу слово... он взглянет на меня темнее тучи... как разбойник сущий... Я, знаете, молчу и думаю: справедливая душа у Владимира... И глаза справедливые. Вот тебе и страшно...
- Люба.** (*волнуясь*) Нет... нет... где же тут справедливость? Зачем обижать человека, который нам ничего дурного не сделал? Мне очень тяжело его такое отношение... Володя гневный... у него справедливый, но гневный характер... Она ведь не обязана нам все давать... не виновата, что нам плохо... может, у нее самой мало...
- Кукул.** Я Владимиру говорил: „Человек всегда обязан быть человеком и от него нужно требовать, чтоб он не вел себя подлецом. Если у тебя есть кусок хлеба, а у другого нет... то подло не разделить хоть последнего“. Он говорил, что не может без отвращения глядеть на старуху... что ему хотелось-бы прибить ее... вот...
- Люба.** Слушайте... зачем вы мне говорите это? Право, мне и так тяжело... а вы—зачем?
- Кукул.** (*грубо*). Потому что... я голоден...
- Люба.** Вы—голодные? Что-ж я могу поделаться? Да, стойте... (*подходит к шкапу, выним, кусочек хлеба*) Возьмите... больше у меня ничего нет...

- Кукул.** Это—ваш вчерашний кусочек... значит, вы... вчера тоже не ели?
- Люба.** Не до еды мне. Возьмите-же...
- Кукул.** Нет... Вы думаете, Кукулевич подлец? Нет (*выходит в свою комнату*). (*Шкандыбаева выходит из своей комнаты и проходит к двери*).
- Люба.** Пожалуйста, Пелагея Анисимовна, будьте добры, закройте двери скорее...
- Шкандыб.** Хорошо, милая. Как муженек?
- Люба** (*вздыхает*). Плохо пока...
- Шкандыб.** Ну, Бог даст, поправится... (*Выходит. Люба идет за ней, прикрыв. двери*).
- Люба** (*останавл. возле кровати*). Володя мой... мальчик мой... милый... рыцарь мой (*целует его. Влад. стонет*) Спит... (*поправл. лампочку, садится*) Кукулевич... возьмите хлеб... право...
- Кукул.** (*из другой комнаты*). Не искушайте... нет...
- Люба** (*устало*) Ну, как хотите (*молчание, тишина*).
- Щученко.** (*заглядыв*). Идем, Катя... Люба, можно? Люба... Да она спит... Люба...
- Люба** (*вздрагив*). Кто там. Кто?
- Щученко** (*входит, за ней Ропина*). Это я, Вера... ты спала, Любочка?
- Ропина.** Утомилась, бедная? Как мы некстати...
- Люба.** О, нет, нет, очень, очень кстати... Милые, как я рада... Садись, Верочка! Катенька, раздевайся... ты подальше от Володи... ты с холода...
- Ропина.** Хорошо... Утомилась ты, Любочка бедная?
- Кукул.** (*входит*). Она целую ночь не спала... Владимир Родионыч капризничал... просил пить, плакал, бредил... здравствуйте!
- Щученко.** Здравствуйте... Как вы плохо смотрите, коллеги...

„НА ПЕРЕЛОМЕ“

Кукул. *(машет рукой).* Э! У вас тоже жирку мало...

Ропина. Ну, что у него? Определилось?

Люба. Да, сыпняк *(грустно)*, сыпной тиф *(плачет)*.

Щученко. Ну, Любаша, перестань, голубка... перестань... он подымется... будет еще сильнее прежнего... умней прежнего... твой Володя...

Люба. Верочка моя...

Ропина. Ты никуда не выходишь, Люба?

Кукул. Куда там! Целые дни вот так сидит... или в аптеку бегают... или к доктору... да и хорошо так... у нее ведь ботинки совсем продырявились...

Люба *(недовольно).* Откуда вы знаете, Кукулевич?..

Кукул. Э! У меня глаз острый *(отворяется дверь. Проходит Шкандыбаева).*

Люба *(идет затворить дверь).* Пелагея Анисимовна... у вас печка топится?

Шкандыб. Топится, да... а что?

Люба. Можно у вас чаю вскипятить? На плите? Для Володи...

Шкандыб. А пожалуйста... понятно можно... берите котелок...

Люба. Вы меня извините, девочки... Я сейчас. Катя, ты присмотришь за ним, правда? Если что... сейчас же позови меня *(Выходит)*.

Ропина. Хорошо...

Щученко *(тихо).* Коллега Кукулевич, что-же это будет?

Кукул. А что?

Щученко. Да вот все это... жизнь такая...

Кукул. Что будет? Суп да жаркое...

Щученко. Идем мы по улице... пусто, грязно... на каждом шагу нищие... голодные... калеки ползут по улицам... люди сами с собой говорят... как сумасшедшие...

Ропина. Вчера к нам в общежитие зашли какие-то господин и дама... господин красивый и дама нарядная...

И господин говорить мне: „Слушайте, барышня... Вот я и жена голодны... но это не важно... слушайте, у нас ребенок дома плачет... маленький, Колей зовут.. он голоден... вот...“ и замолчал. Вера как разрыдалась, как затопала ногами. „Отдай, Катька, сейчас же отдай хлеб“. А у нас всего фунт на всех. Но.. пришлось отдать.

Щученко (*перебивая*). А Катька, как дала... так сейчас на кровать и лицо в подушки спрятала... так часа два пролежала... У Комсомолика лицо вытянулось, вытянулось, и Роза целый день молчала. Вечером так легли, даже чаю не пили... потому что дров нету и водовоз воду перестал возить... молчали. Господи! Какое несчастье теперь еще ребят иметь... слава Богу, что у Володи с Любой детей нету... (*молчание*).

Ропина. Ну, оставь... как вы живете, коллега? Нас хоть много... перебиваемся... а вы как?

Кукул. (*мрачно*). Разве я живу? Так, зубами ляскаю... Вон у хозяйки пироги пекли с мясом... чорт бы ее побрал...

Ропина (*пораженная*). Пироги?

Кукул. Да, у нее и мука есть, и мясо и сало... все приберегла. А вы думаете, дает кому? Все для себя, для доченьки и женишка...

Щученко. Давно мы с тобой пирогов не ели, Катя... давно... уж и не запомню (*Влад. стонет*). Что с ним? Позвать Любу?..

Ропина. Постой...

Влад. (*бредит*). Люба... Любочка... Это—лодка... большая парусная лодка... буревестник... это море, да? Черное море?... Мама, вот Любочка... Люба... ты не думала, что она такая... а, мама? Мы приехали на

парусной лодке... парус белый... чайки пели... и рыбы пели... Ты смеешься, мама? Правда, пели... рыбы пели...

Кукул. *(тихо)*. Бредит...

Щученко. Катя, мне страшно.

Влад. *(бредит)*. Что? Не слышу... *(с тоской)* Не слышу... громче... Вера.

Ропина. Тише, вон Люба идет... *(Входят Люба и Шкандыбаева)*.

Шкандыб. А закипит... вы снимите. *(выходит. Люба закрывает за ней дверь)*.

Ропина. Люба... Володя бредит, кажется...

Люба *(подходит быстро)*. Да? Нет, он спит *(трогает голову, вздрагивает)*. Жар...

Голос

Шканд. Ноги вытрите, пожалуйста... Половичек вон там...

Голос

доктора А, хорошо... хорошо...

Люба. Это—доктор. *(Доктор входит)*.

Доктор. Здравствуйте. Не беспокойтесь, я закрою дверь сам... Сейчас разденусь... и отопреюсь... Ну, как он?

Люба. Ночью бредил. Теперь ничего. Садитесь, доктор.

Доктор. Сейчас... сейчас... Ну, здравствуйте, все... молодежь... Температуру мерили?

Люба. Да... высокая. Я записала.

Доктор. Записывайте, записывайте... кривая температуры—это главная вещь... салол достали?

Люба. Достала. Дала.

Доктор. Вот и прекрасно... сейчас мы его осмотрим, выслушаем... только вы дверь закройте плотнее *(Люба закрывает. Доктор осматривает Владимира)*.

Влад. *(резко, в бреду)*. Кто здесь?

„НА ПЕРЕЛОМЕ“

Доктор. Ничего, ничего. Не беспокойтесь, голубчик. Это—я

Влад. Кто вы?... Говорите правду...

Доктор. Доктор... доктор...

Влад. А... доктор. (*Дверь широко распахивается. Шкандыб., Маша и Лукин тащат диван.*)

Люба. Боже мой, закройте дверь... закройте, пожалуйста... вы его простудите.

Шкандыб. Сейчас, милая, сейчас... вот диван втащим сейчас...

Доктор. Но так же нельзя...

Шкандыб. Сейчас, сейчас...

Щученко. Что они делают? Закройте! Закройте!

Кунул. (*кричит*). Закройте сейчас... закройте, чорт вас возьми... нашли время, когда тащить... скоты!

Маша. А вы не кричите. Здесь вы еще не совсем хозяин. Если тащат—стало быть, нужно...подумаешь...Еще кричит!

Лукин. Как проходная комната, стало быть, кричать нечего... знаю.

Люба (*плачет*). Боже мой! Сжальтесь, сжальтесь... (*Втаскивают диван. Закрывают двери*).

Влад. (*Подымается дико*). Кто это? (*кричит*) Кто?

Доктор. Успокойтесь... успокойтесь... ничего...(*удерживает его*).

Влад. (*схватывается*). Она? Опять она? Старуха? (*вскрикивает пугаясь в одеяле*). Вон! Вон! Уберите ее! Люба... уберите ее... уберите! Убью!

Маша. Мамаша, ой, мамаша! (*Скрываются*).

Лукин. (*трусливо*). Не извольте кричать! Проходная комната здесь...

Влад. Убью! (*плачет*). Убери ее, Люба...

Люба (*бросается в воплем*). Он ведь больной, больной! Во-лодя, голубчик, ложись... (*Владимира укладывают в постель*) Милый мой... мальчик мой... успокойся, ложись... успокойся... (*Доктор пишет рецепт*).

„НА ПЕРЕЛОМЕ“

- Влад.** *(хрипло)*. Люба, ты? Ушла она?
- Люба.** Ушла, ушла... дорогой мой... Ну, успокойся, не дрожи так... тебе вредно... хочешь, я тебе спою... успокойся, родной!
- Влад.** Не уходи, Люба.
- Люба.** Куда я уйду? Спи, милый *(поет)*. „Спи, моя желанная, спи, многострадальная... кроткий мой, стыдливый мой... храбрый мой, хороший мой!“ *(сквозь слезы)*. Все перепутала... Доктор, вы пишете рецепт?
- Доктор** Да... сейчас... хорошо... Вот я вам написал... вы не беспокойтесь... Это он от жара...
- Доктор.** В городской аптеке этого нет... в загородной, возможно, есть... желательно, скорее... кладите холодные компрессы на голову, как раньше... Ну, до свиданья. Я завтра зайду...
- Люба** *(сквозь слезы)*. Спасибо, доктор!
- Доктор.** Главное, вы не беспокойтесь... следите за собой... за температурой следите... До свиданья, молодежь! Не беспокойтесь, я сам закрою дверь. *(Уходит Тишина)*.
- Люба** *(склоняется)*. Уснул... милый... успокоился... Катя, ты присмотри... Я сейчас *(выходит)*.
- Ропина.** Вера, что ты смотришь в окно?
- Щученко** *(громко)*. Кто там такой?
- Голос** *(за окном)*. Подайте... кусок хлеба... Христа ради...
- Щученко.** Нищий... прикорнул под окном... Нету, нету, уходи... нету ничего... он ругается. Катя, или он пьян? Катя, мне страшно...
- Ропина.** Чего ты, дурочка?
- Щученко.** Мне страшно, Катя... Кукулевич ушел... Володя бедный, бедный... нищий *(громко)*. Катя, мне тошно... Катя, я сейчас сделаю глупость... Катя!

- Голос** (за окном). Хлеба кусок... черти...
- Ропина** (грустно). Чего-же пугаться? Нищий, голодный. „В мире есть царь, этот царь беспощаден... Голод названье ему“.
- Щученко** (дрожит). Нет... (кричит). Эй ты... царь!... как тебя, слышишь?... Уходи отсюда! Уходи, оставь, не дави! Всех нас души, а Володю не тронь... Любу не тронь! Их мы сводили, счастье сулили. Катя, мне страшно...
- Ропина** (плачет). Перестань, Верка! Сумасшедшая (Входят Шкандыб. и Люба).
- Шкандыб.** Мне что? Я ведь понимаю, что больной... что на больного зло держать? А диван нужно было, значит, и тащили... а поджарого я выживу отсюда, Бог свят, выживу... а против вас... что-ж? Вы девочка хорошая... дама, то-есть... против вас. Я не обижаюсь... Я ж вам и котелок дала... и одеяло... и назад не прошу... против вас я не обижаюсь (Выходит).
- Люба** (устало). Умиротворила... Вы чего расплакались, девочки?
- Ропина.** Ничего... Трудно тебе жить, Люба! Трудно... крест...
- Люба** (резко). Довольно, Катя... знаешь, еслиб ты передомной на коленях стояла... и просила отдать тебе мой крест... слышишь? На коленях стояла... я бы не отдала...
- Ропина** (тихо). Я знаю...
- Щученко** (сквозь слезы). А ты, Любка, тоже... штучка. Я не знала до сих пор...
- Люба** (мягко). Я не хотела тебя обидеть, Катя...
- Ропина** (тихо). Я знаю... Я не обиделась...
- Люба.** Вы останетесь здесь еще на часик... Правда, милые? Катюша, я на тебя надеюсь... ты будешь менять

„НА ПЕРЕЛОМЕ“

ему компрессы. Если попросит... дашь чаю... тут в котелке... а я побегу в аптеку...

Ропина. Теперь? Люба, не ходи... теперь страшно темно... это на конце города... у тебя ботинки порванные...

Люба. Нужно... доктор говорил, чтоб скорее... Я Кукулевича попрошу, он меня проводит... И вас потом проводит. А ноги я обмотаю... *(одевается)*. Он будет тихо спать... а если что... успокой его... Главное, смотри, чтоб дверь была закрыта... Ты чего плачешь, Верочка?

Щученно *(кричит сквозь слезы)*. Не ходи, Люба!... там темно... страшно... там голод... там нищий...

Люба. Нищий? Какой нищий?

Щученно. Нищий... под окном... хлеба просит... ругается.

Люба *(недоумевая)*. Нищий? *(подходит к окну, открывает форточку)*. Кто там? *(Тишина)* Никого нет. Тебе почудилось, Верочка...
(Занавес).

Действие 4.

(Через несколько недель.)

Та же комната. Днем. Люба и доктор

Люба *(проводит доктора)*. Скажите, доктор, а выходить ему можно?

Доктор. Понемножку... понемножку... все можно... пусть выходит... во дворе погуляет... истощенный он ведь очень... после тифа поправиться не успел...

Люба *(грустно)*. Чем-же было поправиться-то? Доктор, а вы не находите... он, как будто, стал немного странным?

Доктор. Станным?

- Люба.** Да, нервным очень... беспокойным...
- Доктор.** Так что-же вы хотите, после такой болезни... понятно, станешь нервным, вот... пусть сидит спокойно... укрепляющее пусть принимает... вот... если есть что кушать, пусть ест...
- Люба.** Черный хлеб бывает иногда, не всегда (*грустно*), черный, черный...
- Доктор.** Ну, какой бы ни был (*смеется*). Вот еще чего захотели... белого... я его уж год как не имел. А лучше, когда нет—выбора, значит, никакого... Ну, до свиданья.
- Люба** (*сквозь слезы*). Доктор, спасибо... вы его подняли... спасибо... простите...
- Доктор.** Ну, что уж там... как не выздороветь, когда жена такая... ничего, ничего... я ведь вижу... как вы... ну, до свиданья. Не беспокойтесь, я сам закрою дверь...
- Влад.** Что это, доктор был? Он меня чуть с ног не сбил... (*садится*). Ох, трудно. Ноги болят. Ты кушаешь, Люба?
- Люба** (*тихо*). Нет...
- Влад.** Кушай, детка... Так ведь нельзя, ты вся извелась... дай и мне кусочек (*Люба дает*). Нужно бы Кукулевичу дать... что он?
- Люба.** Спит у себя в комнате... голодный.
- Влад.** Бедняк... Что ты смотришь на меня, Люба?
- Люба.** Я? Ничего... Володя!
- Влад.** Что?
- Люба.** Володя... базара нет уже давно... магазины закрыты. Нигде не выдают. Вчера у нас не было хлеба...
- Влад.** Ну?
- Люба.** Володя... где ты... взял хлеб? Скажи... где...
- Влад.** (*краснея*). Зачем тебе? Ну, купил. У меня деньги были...

- Люба.** У тебя не было денег... зачем ты говоришь неправду, Володе? Володя, ведь она видела. Она мне сказала.
- Влад.** Кто?
- Люба.** Хозяйка (*голос вздрагив.*). Володя мой... как ты... мог это сделать?
- Влад.** (*резко*). Я был голоден. Ты была голодна. Я видел... я не мог... у нее был хлеб... я взял нож, пошел и отрезал... кусок... вот... и если она видела... то чорт с ней... плевать я хочу...
- Люба.** Володя мой! (*голос вздрагивает*).
- Влад.** У тебя лицо было бледное, как у статуи... у меня ноги болели... я после тифа... мне есть нужно. Ну, называй меня вором, ну! Мне все равно... (*садится в бессилии*).
- Люба.** Я? тебя? тебя, Володя? (*бросается на колени*). Володя... еслиб ты не отдал того хлеба мне... как ты сделал... еслиб ты сам его с'ел втихомолку... то и тогда... я-б умерла скорее... чем это слово... мой Володя! (*Влад., закрыв лицо руками, молчит*). Ну, скажи словечко... я люблю тебя... ты честь моя... мой мальчик.
- Влад.** Люба, как ты... как ты умеешь любить!
- Люба.** (*смеется*). Глупый ты... ведь мое имя—Любовь (*про себя*). Влад, миром, Любовь (*вздрагивает*).
- Влад.** Я болен... ходить не могу, учиться... время проходит... Университет закрыт... Люба! (*вздрагивает*). Люба, что будет с нашим детским садом?
- Люба.** Полно, полно, родной (*поет*): „все пройдет, как роса... мало-ль что бывает? А злодейка слеза... сердце выжигает“. Дождемся хороших времен, светлых... переживем, Володя... переживем... и откроем...

- устроим наш большой детский сад... потерпим только...
- Влад.** Свой ребенок будет, Люба? Да? Нет, нам все дети... все будут свои...
- Люба.** Свой (*воздрагив.*). О, нет, не теперь. Теперь страшно, Володя, милый! Иди, приляг, отдохни... на вот, покушай...
- Влад.** Ты мне много даешь, Любочка... Нет... Я не хочу столько. Это—тебе... бедная моя, бледная... Да, я лягу (*ложится*), вот и лег... спать... буду.
- Люба.** (*садится возле него*). Бай, бай, баю-бай... баюшки-баю... Спи, младенец мой прекрасный... спи родной... мы устроим детский сад (*смеется*). Как ребенку... (*поет*) „мы устроим детский сад... разведем там виноград... будут детки приходить... будут кушать и хвалить“... Заснул... Тсс. (*Входит Шкандыбаева*).
- Люба.** Пелагея Анисимовна...
- Шкандыб.** (*резко*). Чего-с?
- Люба.** Тише, пожалуйста... Володя спит... Вот (*берет хлеб*) возьмите, пожалуйста... видите-ли... Володя думал... он ошибся... он думал, что это наш...
- Шкандыб.** (*тихо, но резко*). Какое там думал. Разве у меня глаз нету? Вижу вчера... кто там возле хлеба копается; подхожу тихонько... я его выставила... чтоб остыл... а Владимир-то ваш Родионич... с ножом... тихонько отрезал... так, чтоб ничего и не видно... как будто свой... отрезал кусок... Хотела я сказать, да у меня язык отнялся... ну, думаю, времена! Студент... образованный... и воровством заниматься начал!..
- Люба.** (*со слезами*) Володя—не вор. Он думал, это—наш, право. Я ему сказала... он сейчас же велел отдать.

Шкандыб. Знаю я... добро бы, я богатая была... али что... все голодаем... и образованному молодому человеку это весьма стыдно. Добро-бы, тот... поджарый... Кукулевич... от того я всего жду... а то Владимир ваш... вот заняли вы у нас комнату по ордеру. Разве я что сказала? Не было у вас чем прикрыться—и одеяло дала свое старое... и котелок... ну, подушки не могла. Подушки—Машенькино приданое... и Лука Семенович бы обиделся... а уж хлеб красть у голодных людей, это—последнее дело...
Люба. (с тоской). Возьмите хлеб... возьмите.

Шкандыб. (смягчаясь). Да не нужно мне его... ешьте сами... тоже, верно, хороших родителей... и вы и муж... жизнь такая уж... я говорю (таинственно), большевики все наделали... да жида проклятые... а хлеб берите себе уж... что там...

Люба. Нет, возьмите (сквозь слезы). Ради Бога, ради Бога...

Шкандыб. Ну, положите мне там на хлебницу. Чудная вы... (идет к выходн. двери).

Люба. Только вы дверь хорошо закройте, Пелагея Анисимовна...

Шкандыб. Ладно уж (выходит. Люба уходит).

Влад. (встает с кровати, шатаясь). Боже мой! Проклятая старуха! Проклятая жизнь! (садится в изнеможен.; заглядывает Ропина).

Ропина. Здравствуйте, Володя...

Влад. (глухо). Здравствуйте.

Ропина. А Любы дома нет? (раздевается) Что вы такой скучный? Сейчас Верка, Клавдия и Ларский придут. Целым огулом. Да что с вами? (подходит к нему).

Влад. (усмехаясь, грустно). Трудно, Катя, переносить голод.

- Ропина.** (*со вздохом*). Да, трудно... Страшно на улицах, Володя... мертво... университет закрыт...
- Влад.** Отчего я не могу переносить голод? Постарел я, Катя, подурнел, правда?
- Ропина.** Нет, с какой стати... вы поправитесь, Володя...
- Влад.** Отчего я не могу переносить голод! Я бы все перенес... вот силу чувствую... а голод нет... Я бы спас кого... Я бы смерть самую страшную встретил спокойно... сам бы пошел... я не хвастаюсь, Катя...
- Ропина.** Я понимаю. Нет, вы не хвастаетесь.
- Влад.** А голод нет. Вот так сидеть... часами, днями и умирать... постепенно... чувствовать, как капля за каплей уходят силы... ум уходит... не быть в состоянии читать... думать, думать только об одном... каждый день бороться с собственным телом, которое отчаянно требует... пищи, пищи... грозит сумасшествием, смертью (*в отчаянии*). Нет, не могу я... это только Люба может... сильней она меня...
- Ропина.** Нет, Володя, не только Люба. Володя, я добрая, я люблю Любу, да?
- Влад.** Да. Ну?
- Ропина.** (*волнуясь*). А вот есть одна вещь... без которой она жить не может... самая для нее дорогая... а я бы отняла... еслиб могла... а Люба добрая? Любит меня ведь, да?
- Влад.** (*смеется*) Смешная вы... Ну?
- Ропина.** А вот этого... она бы мне никогда не отдала... умри я на коленях перед ней (*тихо*), не отдала-бы...
- Влад.** Не похоже на Любу. Чтож это за вещь такая?
- Ропина.** Зачем вам знать? Это наше дело, женское (*тихо*)... Зачем вам знать? (*Входит Люба*)

„НА ПЕРЕЛОМЕ“

- Люба.** Катя, ты здесь? Здравствуй, милая... *(целуются)*
Как живешь? Отчего ты одна? А Верка?
- Ропина.** Вера сейчас придет... Вон идет; слышишь шум? И Ларский с ней...
- Щученко** *(входит)*. И Комсомол... и Давидик... всех привела. А выгнать—это уж Любино дело. *(Смех. Говор. Все здороваются, садятся)*.
- Кукул.** *(входит из своей комнаты)*. И Кукулевич тут... а его уж никто не выгонит...
- Щученко.** Здравствуйте, коллега...
- Ларский.** Дрыхнули?
- Кукул.** Не дрыхнул, а грезил...
- Ропина.** О чем это?
- Багрянск.** *(басом)*. О польской колбасе *(смех)*.
- Щученко.** Ты спрашиваешь, как в общежитии, Люба? Плохо. Холодно, голодно... Роза уехала к родным. Далеко. Катя где-то достает кусок хлеба, работает целый день... и делится... милая Катя! Без нее бы я пропала...
- Влад.** Что, Клавдюша, примете вы меня теперь в Комсомол? Старого, безногого?
- Щученко.** Э... что за глупости, Володя... безногий...
- Бегунова** *(весело)*. Примем. Вас—первого...
- Щученко.** А кого второго?
- Бегунова.** Тебя, Верка. Всех вас. Да вы, все равно, уже все в душе коммунисты. Милые вы...
- Ларский.** Эге...
- Щученко.** Рано пташечка запела. Эх ты, мой комсомол отчаянный... *(смех)* Нет, что я вам скажу. Вы знаете, земляк-то землячке предложение закатил...
- Ларский.** Вы бы, коллега, помолчали...
- Люба.** Перестань, Вера *(смеется радостно)*. Нет, Катя, серьезно? *(Ропина краснеет)*.

Щученно. Нет, но как красиво. Слушайте. Он говорит: „коллега землячка“! Она: „что, коллега земляк“? Он: „земляки мы.“ Она: „земляки“. Он: „университет закрыт“. Она: „закрыт“. Он: „и хлеба нету“. Она: „это уж точно нету“. „Выходит чистое дело,—говорит он,—остается мне на Вас, коллега Катя, жениться“ *(смех)*.

Влад. Поздравляем, Катюша...

Ролина. Вы, Володя? Спáсибо... спасибо...

Кунул. Чет и нечет... нечет, чет... Володя и Люба, Ларский и Катя, Вера и Багрянский... один я—Кукулевич... без дополнительного предложения.

Щученно. Э, у нас с Давидом вопрос еще не решен. Он только билеты в театр доставать мастер, а хлеб нет... Кате и его кормить приходится... кусочком своим.

Багрянск. Вера!

Щученно. Что, Вера? Ах, дети мои, как я голодна, между прочим, как я голодна... так живот и подводит... ну, чорт с ним. А погано у нас в общежитии... Мы вчера с горя песню затянули: „Холодно, странничек, холодно... голодно, родименький, голодно“—хорошая песня...

Влад. Есть другая... Я помню, мама пела надо мной... я был тогда чистеньким, сытым, здоровым... и меня находили красивым...

Бегунова. Вы и теперь красивый, Володя...

Влад. Э, теперь давайте споем... Вы знаете... Каллистратушка...

Все. Э, знаем... певали... давайте...

Влад. *(начинает)* „Надо мной пела матушка,

Все *(подхват.)* Колыбель мою качаючи:

Будешь счастлив, Каллистратушка, } bis
Жить ты будешь припеваючи. }

„НА ПЕРЕЛОМЕ“

И сбылось по воле Божией
Предсказанье моей матушки:
Нет богаче, нет пригожее,
Нет счастливей Каллистратушки. } bis
Ключевой водою моюся,
Пятерней чешу волосыньки,
Урожая дожидаяся } bis
С. непосеянной полосыньки. }

Нуул. Так-то ваш будущий урожай, Клавдия... с непосеянной полосыньки...

Бегунова. Нет, посеянной... посеянной...

Нуул. Чем? Приказами? Отношениями?

Бегунова. Нет, костями нашими... потом политы, кровью...

Влад. *(тихо)* С такого посева страшный урожай будет, Клавдюша... кровавый... кошмарный...

Бегунова. Нет, хлеб будет... будет хлеб... потерпеть только нужно... потерпеть...

Щученко. Ах, комсомолик безответный... *(На улице грустная, но громкая музыка: „Вы жертвою пали.“ Женщины бегут к окнам).*

Люба. Похороны...

Щученко. Коммуниста хоронят...

Ропина. Потому и священников нету... и образов. Музыка какая печальная! Что там на венке написано? Люба, у тебя зоркие глаза...

Люба. „Не нужно нам, мертвым, ни песен, ни слез, нам лучше воздайте почет... По мертвым телам вы шагайте без страха...

Бегунова. Их знамя несите вперед“. *(музыка).* Это Костя Петров умер... Я его знала... он на конференции был... от сыпняка умер... *(поет)* „Прощай же, товарищ, ты честно прошел...“ *(музыка смолкает).*

„НА ПЕРЕЛОМЕ“

- Щученко** (*возвращаясь со всеми на место*). „Твой доблестный путь, благородный“.
- Влад.** Трудно умирают коммунисты.
- Ропина.** Да, правда, вот Клавдия не ест, не пьет... бегаёт по заседаниям, на воскресники... и чем она живет!
- Щученко.** Дух в ней горит...
- Ларский.** Коммунистический (*смех*).
- Нукул.** Э, дух, дух! Не одним духом жив человек. Вот как подкрадется старичек голод... да как схватит... да как скажет: „Ну-ка, такой—сякой партийный билет, в расход!“
- Влад.** Кукулевич, ваш язык...
- Щученко** (*торжественно*). Пусть вам отсохнет...
- Нукул.** И положат на нашу Клавденьку веночек. И напишут: „Не надо нам, мертвым, ни песен, ни слез, нам лучше воздайте почет...“
- Бегунова** (*тихо*). По мертвым телам вы шагайте без страха, их зная несите вперед“...
- Нукул.** Эх... ну куда нести ваше зная? Куда вперед?
- Бегунова** (*тихо*). Вперед... к счастью... к свободе... к коммунизму...
- Нукул** (*злится*). Э, глупости...
- Щученко.** Нет, не глупости. Это вы, Кукулевич, глупость... вот! Я вас мало знаю, но от души говорю (*смех*).
- Люба** (*тревожно*). Что такое? Кате дурно!
- Щученко.** Катя! Катюша! Боже, как побледнела... Воды... воды!
- Влад.** (*встает*). Что с ней (*валится назад?*) Не идут ноги... Что с ней?
- Ларский.** Вот вода... Пойте ее, дайте ей, Любовь... на голову, на голову лейте...
- Щученко** (*рыдает*). Катюша, милая, очнись... что с тобой? Что я буду делать? Что со мной станет!

- Нукул.** Ага, схватил... к Богу на бал... все отправимся.
- Влад.** *(отбрасывая его)*. Молчать! Любочка... лей воду... так... Люба, лей!
- Ропина** *(открывая глаза)*. Где я?... Что такое?
- Люба.** Пей, Катя... какая бледная, Боже!
- Щученко.** Катя, моя милая... Катя *(рыдает)*... Катя...
- Люба.** Откройте форточку, Ларский...
- Ропина** *(приходя в себя)*. Ничего... это-так. Ничего, земляк милый... Верочка... Володя... Люба...
- Багрянск.** Угорела она, что-ли?
- Влад.** *(тихо)*. Нет, это—не угорела...
- Щученко** *(плачет)*. Это—голод. Она мне весь свой хлеб отдавала... она голодала... это он ее схватил... придушит он нас с тобою, Катя... Ка...а...тенька *(плачет)*...
- Люба.** Глупая Вера! Ну, и глупая-ж!
- Ропина.** Нет, это-ничего. Ничего, Верочка. Все так теперь... у всех... плохо...
- Влад.** *(гремит)*. Все? Все? Нет, чорт побери *(все оборачиваются в испуге)*. Все? Ложь! Слышите! Ложь! Еслиб все, я-бы слова не сказал... мы терпели-бы, умерли... да у нас бы и голода не было... умирать бы не пришлось... Катя, Люба, Вера... Все? Ложь! *(гремит)*. В этой пещере живет гиена... в этой норе живет мышь... вонючая... скверная... с ней не случаются обмороки, она не болеет тифом и цынгой... она не боится... она собрала достаточно для себя... а другие... пустьдохнут! Кто мне скажет, что все! Не все. Есть мерзавцы, скоты... двуногие звери... О, еслиб они попались мне в руки!.. Я-б их... Люба моя бледная, Катя... Верочка... Я-б их! *(ударяет кулаком по столу. Стол трещит и ломается)*.
- Нукул.** *(в восторге)*. Правильно!

„НА ПЕРЕЛОМЕ“

- Люба.** *(подымается, бледная, как смерть, грозит пальцем)*
Не смей!.. Не смей!... *(Все поражены).*
- Влад.** Что? Люба, что с тобой?
- Люба.** Не смей так гневаться... слышишь, Володя? Не смей! Ты, когда гневаешься... становишься близок... к несправедливости... к ужасному... Ты не мой тогда... *(рыдает)* Володя, милый! Пусть голод самый сильный... он лучше такого гнева...
- Влад.** *(прижимает ее к себе).* Любовь моя...ну, успокойся же.
- Люба.** Мне страшно стало... милый, не надо никогда так больше *(плачет)*, мне страшно стало...
(Занавес).

Действие 5.

Та же комната. Вечерет.

Влад. и Люба.

- Влад.** Люба, ты уходишь?
- Люба.** Ухожу, да...
- Влад.** Надолго!..
- Люба.** Нет... Не знаю *(одевается.)* Может быть, и надолго. Я ведь иду на воскресник... не знаю, как он протянется... может быть, долго *(застегивается)*; хлеб... я оставила... кусочек... в шкапу.
- Влад.** Люба, возьми его сейчас, слышишь? Возьми и с'ешь. Ты изведешь себя. Ты стала бледная как смерть... Люба... я приказываю тебе...
- Люба.** Глупый ты... там нам дадут хлеб, Володя, а этот... ты должен с'есть, милый.
- Влад.** *(кричит).* Не стану я есть... забери его!
- Люба.** Нет, ты должен... До свиданья, Володя... Ты не много ходи... лежи лучше... и заниматься много не

- нужно... Ну, до свиданья, милый... Пойдем мы работать, студенты... копать... на будущий урожай...
- Влад.** Ты идешь работать, Люба... все идут... один я... как хорошо я копал когда-то *(замолкает)*.
- Люба.** Поправишься—и ты пойдешь. Ты у нас главный будешь... *(смеется)* Владимир! Ну, до свиданья, мой милый мальчик! Ты скучать не будешь?
- Влад.** *(смеется)*. Нет...
- Люба.** Прикрой за мной дверь... *(уходит. Влад. закрывает дверь)*.
- Влад.** *(спокойно)*. Она ушла голодная... *(Берет книгу, садится у окна, читает. Входят Лукин и Маша)*.
- Влад.** *(не поднимая глаз)*. Закройте дверь, пожалуйста...
- Лукин.** Сейчас *(закрывает)*. Ну, Маруся, ты пойди... оденься. А я подожду.
- Маша.** Хорошо. Подожди здесь. *(Выходит)*.
- Лукин.** *(Влад.)* Учитесь?
- Влад.** Читаю...
- Лукин.** Присесть можно?
- Влад.** Садитесь... *(Лукин садится)*.
- Лукин.** Вы на каком... факультете будете? Позвольте узнать... А?
- Влад.** На медицинском *(читает)*.
- Лукин.** Так. Доктор, стало быть...
- Влад.** Стало быть, доктор... буду...
- Лукин.** Так... А много учиться нужно, чтоб доктором быть?
- Влад.** Лет пять так... потом практика, понятно.
- Лукин.** *(кивает головой)*. Это естественно. Да. Без практики будь ты сто лет научен, ничего не выйдет... И жена ваша на медицинском?
- Влад.** И жена...
- Лукин.** Так. А он? *(Указыв. на комнату Кукулевича)*.

- Влад.** Кукулевич? И он на медицинском...
- Лукин.** Неприятная личность, скажу я вам...
- Влад.** Да? Чем же?
- Лукин.** Очень неприятная. Пелагея Анисимовна очень мне на него жаловалась... Убрать просила, если возможно. Потому что как секретарь кварткома... *(вздыхает)*. Но по теперешним временам нельзя убрать...
- Влад.** Да, теперь... ау...
- Лукин.** Говорят, скоро можно будет... Очень неприятный человек, скажу я вам. Вот вы ничего. На вас мамаша не жалуется... И Маша говорит: „этот поджарый—наказанье сущее“... А высокий, красивый... Владимир Родионыч... тот ничего...
- Влад.** *(смеется)*. Да?
- Лукин.** Да-с... Мне даже это, признаться, и неприятно делалось... Мамаше, впрочем, больше ваша жена нравится... Я ей говорю: „это, мамаша Пелагея Анисимовна, тоже несправедливо... Если с человеком казус случается... бывает человек голодный“ *(смущается)*. Вы что на меня так смотрите? Я ничего ведь...
- Влад.** Я знаю, что вы ничего... *(с угрозой)*. Смотрите!
- Лукин.** Да разве я что... *(Входят Шкандыб. и Маша)*.
- Маша.** Ну, вот я и одетая... Все как следует... Влад. Родионович, как я вам в этом белом платье нравлюсь?
- Влад.** *(смеется)*. Очень вы мне нравитесь...
- Шкандыб.** А жена ваша ушла? Люба?..
- Влад.** *(с удивлением)*. Любовь Петровна?
- Шкандыб.** Кому Любовь Петровна, а мне Люба... я ведь старая...
- Влад.** Ушла... на воскресник...
- Шкандыб.** Это на работу-то? Господи Иисусе Христе! Ведь целый день не ест... а потом на работу..
- Влад.** Да, целый день... не ест.

- Маша.** Что вы на мамашу так глядите, Владимир Родионович? *(смеется)*. Как будто влюбились...
- Лукин** *(смеется)*. Шутиха... *(Выходит Кукулевич из своей комнаты)*.
- Маша** *(тихо)*. Вытащился...
- Кукул.** Пойду шататься... Может, легче станет... *(Проходит)* Пелагея Анисимовна!
- Шкандыб** *(недовольно)*. Ну, чего вам?
- Кукул.** Одолжите хлеба... кусок... пожалуйста... завтра нам, студентам, говорят, давать будут... отдам...
- Шкандыб.** Эх, батюшка... Да какой у нас хлеб? Что вы, право... Сами голодные сидим...
- Кукул** *(грубо)*. Да у вас же есть... Ну чего вы врете?
- Шкандыб.** Это, батюшка, пес врет, а не я... вот... как сирота скачет, всякий бачит... а как плачет...
- Маша** *(задорно)*. Здеся вам не гостиница... Скажите... Еще требует... комнату заняли, так сидите. А хлеба у нас нету для вас...
- Лукин.** Нужно, молодой человек, совесть иметь... *(Кукулевич машет рукой, уходит)*.
- Шкандыб.** *(с горечью)*. Убрать бы его, Лука Семенович.—Такой он... как бы сарая не взломал.
- Лукин.** Убрать нельзя, мамаша... Советская власть не дозволяет... а за взлом тоже наказания есть... и теперь...
- Шкандыб.** Какие теперь наказания? говорят, скоро иначе будет... хозяевам дома отдадут и лавки... все отдадут...
- Лукин.** Да, говорят... Потому, голод большой...
- Шкандыб.** Нет. Мне старушка говорила... будто их... начальнику... большевицкому... как его?
- Влад.** Ленину?
- Шкандыб.** Да... будто видение было... сон такой... икона плачущая... и будто велела все отдать... *(Влад.)* Вы

„НА ПЕРЕЛОМЕ“

чего смеетесь? Что вы—образованный? В иконы не верите?

Лукин (важно). Икона—святое дело... и не хорошо, что у вас иконы нет... благодати нет... у того, поджарого, само собой... он ведь жид...

Влад. (смеется). Нет, Кукулевич, не еврей...

Шкандыб. А кто же он? Не русский, верно...

Влад. Поляк, кажется...

Лукин. Ну, поляки тоже—народ плохой. Идем, Маруся... До свиданья, господин студент... товарищ... (Уходят. Шкандыб уходит в свою комнату).

Влад. (встает). Фу... мерзость... (прошелся). Фу, мерзость... Как есть хочется, однако, Боже!.. Взять разве... Нет. Не буду есть...⁴ хоть издохну... Люба ничего не ела... (садится за стол, копается в ящике). Темно уж... Любина карточка... милая моя Любовь! Это что?.. Письмо к маме... А... (читает)... Эх! (кладет) это... это мое письмо к Любе... там в общежитии (читает): „Милая Любочка! Вы на меня рассердитесь, но я вас люблю. За что—не спрашивайте. Люблю и все! Хотите—примите и будьте... (читает про себя). Ваш Владимир Сомов“. Так! Владей миром Любовь! (смеется) это... моя программа будущей деятельности... вместе с Любой составляли (читает). Советская власть любит детей. Ею организуется повсеместно... всероссийская детская коммуна с самоуправлением детей. Сюда привлекаются все лучшие учителя, наиболее искусные врачи... Детей нужно воспитывать сильными телом и духом. Дети—наше будущее... (пробегает молча. Входит мальчик, нищий, озирается)... Самовоспитание детей...

М.-нищий (резким плаксивым голосом). Дядя, дай хлеба!

- Влад.** *(вскакивает).* Что? Что тебе?
- М.-ниций** *(звонко).* Хлеба дай... дядя... я пять дней не ел... дай... кусочек...
- Влад.** Голубчик... у меня нет... ты видишь. Я... *(заглядывает Шкандыбавва из своей комнаты).*
- Шкандыб.** *(пряча кусок хлеба в карман).* Кто тут?
- М.-ниций.** Бабушка, дай хлеба... кусочек... вон у тебя... помираю... мать больная, голодная...
- Шкандыб.** Пошел! пошел! Уходи... нет у нас хлеба... сами голодные сидим... пошел!
- М.-ниций** *(злобно).* Не пойду я... хлеба дай!
- Шкандыб.** Нету хлеба, говорят тебе... нету... Эх, Луки Семеновича нет... Вы бы его, Владимир Родионович, пугнули... повадятся они...
- Влад.** *(быстро подходит к мальчику).* Пошел, говорят тебе, нету!
- М.-ниций** Не пойду... *(упирается).*
- Влад.** Пошел! Пошел! *(хватает за шиворот, выбрасывает).* Так, Пелагея Анисимовна? Правда? Так?
- Шкандыб.** *(удивленно).* Так, батюшка, Владимир Родионыч... Спасибо... А то повадятся... Не украл бы чего... *(Выходит, возвращается).* Я, Владимир Родионыч, прилягу уж... голова болит... если стучаться будут... вы отопрете... а я запру дверь *(запирает).*
- Влад.** Хорошо *(глухо).* Спите спокойно, Пелагея Анисимовна. *(Шкандыб. уходит в свою комнату, закрывает дверь).* Вот тебе и детский сад! *(в волнении)* Где мальчик? где мальчик? ушел он? *(Выхватив кусочек хлеба из шкапа, открывает форточку).* Нет, стоит, плачет... Мальчуган, эй! поди сюда! Вот тебе... Лови! *(смеется).* Как ест! Как он ест! Как щенок набросился. *(Закрывает форточку. Из комнаты Шкандыб.*

хрипение. Лицо Влад. темнеет). Люба вернется... будет голодная... Пора! *(подходит к столу, берет нож, смотрит на него.)* Темно... пора! *(тихо подходит к двери Шкандыб., отворяет и входит, прикрывая дверь за собой. Тишина).*

Гол. Шкан. Кто там? А? Маруся? Кто там? Владимир Родионович, вы? Вам что надо?.. Чего вы молчите?.. Опять хлеб красть идете?.. А... а... а... Спасите! Караул! Спасите! Спа... *(Хрипение. Тишина. В комнате Шкандыб. вспыхивает огонь).*

Влад. *(возвращается неся целый хлеб прикрыв дверь. Спокойно).* Нужно и тут зажечь... Где спички? *(Зажигает лампочку).* Руки в крови... *(Вытирает о платок Садится. Ест)* Стук. Влад. прячет хлеб, идет отворить. Входит Кукулевич, грязный, оборванный, сгорбившийся).

Кукул. Темно... Шлялся... шлялся... ничего... ни куска... *(смеется хрипло).* Вы знаете, Владимир, что я сделал?.. я... попросил *(голос вздрагив)*... милостыню... кусок хлеба... у какого-то человека... в первый раз *(молчание).* Не дал... испугался даже... убежал... *(Сотчаянием).* Ну, теперь спать, спать, спать скорее... легче станет *(поет).*

Влад. Кукулевич!

Кукул. Что?

Влад. Возьмите... вот... ешьте...

Кукул. Боже мой, хлеб... *(плачет).* Боже мой... дайте! Где вы достали?

Влад. Хозяйка дала...

Кукул. Дала? Вам дала? Это—потому, что вы красивый... Боже мой, как вы много даете... Боже мой, я целый вечер есть буду *(уходит в свою комнату. Владим. ест. Стук. Влад. идет отворить).*

„НА ПЕРЕЛОМЕ“

Влад. Люба, ты?

Люба. Я, Володя... *(Володя открыв. Люба входит)*. Володичка, милый, здравствуй! Отчего ты заперся? *(раздевается)*.

Влад. Хозяйка просила... она спать легла...

Люба. А! А чего-ж у ней лампа горит?

Влад. Не знаю... Ешь, Люба, вот... ешь сейчас-же...

Люба. Сколько хлеба!.. Где ты достал?.. Володя...

Влад. *(спокойно)*. Пелагея Анисимовна дала... подарила...

Люба. Правда, Володя? Впрочем, что-ж я спрашиваю? Понятно, правда. Видишь, какая она хорошая... дай, Володя, дай, я страшно голодна... *(слышен хруст зубов)*. Это кто там?

Влад. Кукулевич... я ему дал хлеба. Молчи! Ешь!

Люба. А... хорошо. Хорошо, что дал... Слушай, я тоже принесла кусочек хлеба... маленький... на воскреснике дали.

Кукул. *(поет за дверью)*. Та-ра-рам! там! там!

Люба. *(Ест)*. Вкусный хлеб какой! Ах, Володя, как мы работали! Как работали! Казалось, мы хотели закопать самих себя в землю... чтоб уродило... Как мы копали!.. Молча, с остервенением, отдавая последние силы... Двое упали... Их унесли... Боже, как мы работали! Все бледные, как тени... как это было жутко! *(За дверью хрустит зубами)*. Та-ра-рам! там! там!

Кукул. *(Ест)*. Вкусный хлеб... А потом мы шли домой... Коммунисты и студенты... студентки... Катя и Вера там были, Клавдия, понятно... по мертвым улицам... с лопатами, кирками... молча, без пения... какой-то озлобленный бросил пригоршню грязи в наше красное знамя... грязь отскочила и замарала ему лицо, нам стало так грустно... мы запели *(поет:)* „Вы

„НА ПЕРЕЛОМЕ“

жертвою пали“... и потом Интернационал... Володя! Клянусь тебе... В этот момент... многим богатым и сытым людям во Франции, в Англии, за границей... стало жутко... ведь есть же справедливость, наконец... Ведь есть же! Володя, знаешь что? *(нагибается к нему)*... милый, ты давно хотел... а я мешала... вступить в партию, Володя... вместе... и будем биться... за справедливость... за мировую коммуну... за нашу детскую коммуну... детский сад... Володя, что ты молчишь? Что ты глядишь на меня так странно?..

Влад. *(со стоном протягивая руку к двери хозяйки)* Люба!.. Там... там... Боже мой... там!

Люба *(испуганно)*. Что там? Володя! Володя, взгляни на меня!
Кукул. *(в другой комнате поет)*.

Влад. „На морозе цветам не расти“
(Дрожит). Там... там...

„На морозе цветы погибают“.
(Люба вскакивает, бежит, раскрывает настежь дверь хозяйки и смотрит)

„Он своею жестокой рукой...
(Беззвучный вопль: „Володя!“ Люба в беспомоществе опускается на пол. Влад. глядит на нее, слезы бегут по его щекам, он ест, ест, ест... В другой комнате хрустит зубами, кушая, и поет Кукулевиц):

„Их безжалостно мнет... и срывает“!

(Занавес).

К О Н Е Ц.

